

ОГЛАВЛЕНИЕ

1	5
2	37
3	51
4	91
5	119
6	143
7	161
8	179
От автора	185

Я вернулся из Центра имитации смерти, взял со стола апельсин и отправился на подработку в похоронный зал.

Из двести второй комнаты убрали фотографию старика, которая стояла там до вчерашнего дня, и поставили траурный портрет молодой женщины. Я ненадолго склонил голову, чтобы пожелать покоя усопшей, и прошел на кухню рядом с залом для гостей, где проверил заказанную начальницей еду. Как раз когда я убедился, что все было достаточно свежим, в комнату вошла она сама в пестрой юбке. В последнее время начальница часто говорила, что поправилась и старые вещи стали ей малы, поэтому каждый день приходила в новой одежде. С бумажным пакетом, в котором лежала униформа похоронного бюро, она отправилась переодеваться в туалет, и в это же время пришла Мари.

Я протянул ей апельсин и начал накрывать стол. В центр поставил по бутылке соджу и минеральной воды, а еще приготовил напитки для тех, кто не пьет алкоголь. В это время в комнату вошел муж покой-

ной, а вместе с ним и Ким, директор цветочного магазина «Содэemun». Начальница, переодевшись, спросила, много ли будет посетителей, но мужчина почти не слушал ее — держась за Кима, он просил украсить алтарь в траурной комнате белыми хризантемами.

Через некоторое время тот вернулся, держа в руках охапки хризантем, обернутых газетой, и стал по одной вставлять цветы в специальную губку. Каждый раз, когда он подрезал стебель ножницами, в воздух поднимался терпкий цветочный запах. Около двадцати минут спустя, закончив украшать комнату, Ким подцепил из картонной коробки ломтик холодной отварной свинины, съел его и вышел. Один за другим стали приносить венки с траурными лентами, ставя их перед ящиком для пожертвований.

После пяти часов в зал шумно ввалились с десяток женщин. Вложив конверты с деньгами в ящик и поклонившись покойной, они вышли из комнаты и расселись вокруг стола. Я разносил закуски, которые Мари заранее разложила по тарелкам, когда в зал вошел мужчина в бейсболке и рваных на бедрах джинсах.

— Кто вообще приходит на похороны в таком виде? — Я поставил поднос и, облокотившись на раздаточный столик кухни, кивком указал Мари на мужчину.

— Это ее любовник.

— Любовник?

— Я такие вещи сразу подмечаю. У него взгляд другой.

Даже поклонившись покойной, мужчина не уходил от траурного портрета, хотя за его спиной уже собралась целая очередь из желающих проститься. Его взгляд был полон такого горя, какого я почти никогда не видел у обычных соболезнающих. И все же он не был похож на родственника. Неужели он действительно был ее возлюбленным? Лишь когда вдовец подошел поближе, тот мужчина нехотя поднялся и удалился. Вскоре в комнату зашли примерно двадцать женщин и выстроились в одну линию.

— И почему сегодня столько людей приходит разом... Бесит.

Я наспех накрыл стол и попросил Мари заранее разлить юккечжан¹ по тарелкам. Как только женщины вышли из комнаты траура и сели за стол, я сразу подал им рис и суп — даже не стал спрашивать, будут ли они есть. Женщина, которая от лица всех делала поклон в траурном зале, поморщилась и сказала, что ей уже надоел юккечжан. Она даже не притронулась к нему и ела только ломтики отварной свинины, макая их в соус. Поняв, что мясо уходит слишком быстро, я стал перекладывать его понемногу из полных тарелок в пустые, и так собрал еще одну порцию. Потом вторую, третью — и тут в зал вошел еще один мужчина в рваных джинсах. Половину его лица закрывала бейсболка «Нью-Йорк Янкиз».

¹ Острая корейская говяжья похлебка на крепком бульоне с говядиной и перцем чили. В Корее ее нередко подают на похоронах и поминках, поскольку блюдо удобно готовить для большого числа гостей. — Здесь и далее примечания переводчика.

— А это еще кто? — Я кивком указал на него.

— А это, похоже, еще один ее парень, — сказала Мари уверенным тоном.

В тот момент я подумал об отце, который развелся с мамой. Если бы она умерла, он, наверное, тоже пришел бы проститься с ней, нахлобучив бейсболку так же, как этот мужчина. Все-таки единственная вечная любовь отца — это мама.

Мужчина растерянно смотрел на портрет и даже протянул руку, будто хотел коснуться лица умершей. В этот момент к портрету подбежал мальчик лет пяти-шести, крикнул «мама!» — но, увидев мужчину, резко остановился. Тот отдернул руку от фотографии, подхватил ребенка и крепко прижал к себе, потеревшись щекой о его щеку.

Ребенок вырывался, пытаясь выбраться из его объятий, и в конце концов разрыдался.

Муж покойной подскочил, выхватил ребенка, выдернул из букета одну из хризантем и со всей силы швырнул на пол. Незванный гость еще раз испуганно взглянул на ребенка и поспешно вышел из комнаты. Женщина, которая ела только мясо, увидев это, ахнула:

— О боже... Как он вообще посмел сюда прийти? Да он с ума сошел!

Другая, сидевшая напротив, подняла мизинец²:

— Это то, о чем я думаю?

Та кивнула.

— Ужас, что тут вообще происходит... Неужели Бора была такой? Никогда бы не подумала.

² В корейской невербальной культуре поднятый мизинец в некоторых ситуациях может намекать на романтические отношения.

Бора — так звали покойную.

— И любовник у нее был не один...

— Не один, говоришь?

Женщины одновременно склонили головы к центру стола. Щелкая скорлупой арахиса, они принялись обсуждать того гостя, что только что ушел, и остальных любовников покойной.

Однако их болтовню заглушали завывания вдовца и плач ребенка. Спустя какое-то время женщины, косясь на семью покойной, взяли по паре орехов и, тихо поднявшись, одна за другой вышли. Пока начальница успокаивала вдовца и вставляла обратно в венок сломанную хризантему, я подмел опавшие с него лепестки и убрал со стола. Тот выглядел так, будто его поклевали птицы: повсюду валялись скорлупки арахиса и кожура мандаринов.

После этого на поминки стали приходить коллеги мужчины: они заходили в зал по три-четыре человека, и этот поток не останавливался почти до полуночи. Я подошел к окну рядом с кухней и посмотрел на вишневое дерево. С одной из веток ко мне потянулась белая змея — она ползала по вишне и обрывала цветы.

Начальница позвала меня — принести соджу гостям, — но я не мог отвести взгляд от белой змеи.

— Чего ты застыл? Что там увидел? — спросила Мари, вернувшись после того, как разнесла соджу вместо меня.

— Белую змею.

— Белую змею?

— Вон, на дереве, — я указал на вишню за окном.

— Там ведь ничего нет. Только Хироси.

Под деревом, на скамейке, сидел Хироси в красном костюме. Похоже, по дороге домой он решил полюбоваться цветением сакуры. Этот мужчина, который снимал у нас комнату, был невысок и худощав. В этом году ему исполнилось сорок девять. Он арендовал небольшую мастерскую в подвале здания в районе Тондэмун, поставил две швейные машины и шил одежду. У него, несомненно, был талант, и какое-то время продажи шли неплохо: Хироси начал шить и большие размеры, но в период экономического спада вещи перестали продаваться. Я обулся и подошел к нему.

— Ты был на собрании АДУСа?

— Нет, работал в мастерской.

— Так поздно?

— Заказ был. Последние дни шью без остановки, даже сакуру толком не видел. Вот сейчас сажу, смотрю. Интересно, увижу ли я ее в следующем году?

Я запрокинул голову и посмотрел на верхушку дерева. Белая змея все так же ползала по веткам, обрывая цветы. Те, что не попадали ей в рот, падали на голову Хироси. Змея была страшной и неприятной, но при этом мне почему-то хотелось к ней прикоснуться. Только она не приближалась, все время оставаясь на дереве и держа дистанцию. Я стряхнул пальцем лепесток, упавший на голову собеседника.

— Rainennimo sakurawo mireruto omouyo.
Kokoniwa itsumo shigatsuga kureba, sakuraga
sakukara.

«В следующем году ты тоже увидишь сакуру. Здесь она всегда цветет, когда приходит апрель», — сказал я по-японски. Хироси кивнул и похлопал меня по спине, отправляя обратно на работу. Проследив, как он скрывается в переулке на другой стороне дороги, я вернулся в двести вторую комнату. Внутри пахло юккечжаном и благовониями. В каждую руку я взял по два пакета, которые начальница и Мари заранее отсортировали, и вынес их на улицу. Пищевых отходов набралось пять мешков, перерабатываемых — семь. За этот день проститься с покойной пришло больше сотни людей.

В два часа ночи мы с Мари вышли из похоронного зала, все еще в жилетках с названием ритуальной компании. Я хотел накинуть куртку, чтобы прикрыть логотип, но передумал и просто обвязал ее вокруг талии. В такую позднюю пору никто бы не стал разглядывать огромные буквы «*Райский покой*» у меня на спине.

Мы с Мари были помощниками в похоронном зале, и если выходили на смену, то обычно работали двое суток подряд — день смерти человека и следующий. В день перевозки тела помощники не требовались.

Работа в похоронном зале не подчинялась времени. Люди умирали когда угодно. Умирали в ночи, когда распускались цветы, и в ночи, когда они опадали. Умирали при луне и без луны. Поэтому нас могли вызвать в любой момент — под дождем, снегом или в разгар тайфуна. Даже когда умер мой

пес, я положил его в коробку в угол двора и все равно вышел на смену.

И график был таким же беспорядочным. Если звонила начальница — мы выходили и работали как минимум до полуночи. Если приходило много людей — то до двух. Если покойный был известным человеком — могли не смыкать глаз всю ночь.

— Сегодня снова в «Макдональдс»? — спросил я у Мари.

— Я же не могу тратить заработанное на такси. Сейчас два часа, осталось потерпеть всего три. В пять приходит первый поезд до Инчхона.

— Я бы тоже съел бургер.

Я не пошел домой, хотя жил практически напротив работы, а спустился вниз по улице. Остановился у цветочного магазина «Содэмун» и заглянул в темный зал. За стеклом стояли белые хризантемы — ими было заставлено почти все помещение. Среди них виднелась одна ярко-желтая стерлиция. Раз рядом похоронный зал, почти все цветы на витрине были хризантемами. Их запах просачивался наружу, и я глубоко вдохнул. Он был свежим, совсем не таким тяжелым, как аромат в траурной комнате. Мы с Мари надышались и пошли дальше — мимо агентства недвижимости «Хвангым» до перекрестка.

— В списке моей любимой еды сразу после папиной стряпни идут бургеры. Я с детства любил ходить в «Макдональдс».

Мари усмехнулась:

— Правда?

— Конечно.

— Тебе необязательно оставаться со мной до самого утра.

Когда загорелся зеленый, я пошел первым, а Мари за мной, постукивая каблуками по земле. Я толкнул дверь ресторана. Парень за кассой, заметив нас, раскатисто произнес:

— Добро пожаловать в «Макдональдс»!

Я купил один стакан колы и сел у окна. Похоронный зал был прямо напротив. Свет горел только в тех помещениях, где находились тела. На втором этаже светилась двести вторая комната — та, в которой я сегодня работал, а на первом — сто первая и сто третья. В окнах виднелись родственники в траурной одежде, снующие по комнате туда-сюда. За ужином я съел две миски острого говяжьего супа, но все равно был голоден. Еда из похоронного зала, сколько бы ее ни ел, никогда не насыщала.

Я вставил в стакан две соломинки и протянул его Мари. Она отпила через красную трубочку и передала мне. Я пил через синюю и вспоминал тот день, когда впервые увидел Мари в похоронном зале. Тогда она опоздала на тридцать минут. Мать не хотела ее отпускать — говорила, что нельзя работать в месте, где лежат мертвые, — и Мари пришлось ускользнуть тайком. В тот день она перепутала помещение и вместо комнаты траура вошла туда, где омывали тело.

— Никогда не видела похоронный зал в пору цветения вишни. Когда смотришь на белые цветы, кажется, будто я сама умерла и гуляю по другому миру, — сказала Мари.

— У меня тоже такие мысли, когда после смены возвращаюсь домой. Однажды даже забрался

на верхушку вишневого дерева. Казалось, что если пройти по цветам, что распустились там, наверху, то в конце откроется рай. Но рая я так и не увидел.

Похоронный зал, который был здесь всегда, сколько я себя помню, состоял из подвала и двух этажей. В подвале был морг, где хранили тела, а наверху — комнаты траура. На первом этаже их было семь, небольших. На втором — четыре побольше. Одна из них была такой просторной, что могла вместить сразу сотню человек. Здание окружали сакуры, и каждую весну они расцветали пышным цветом, а ветви доставали почти до второго этажа. Из-за цветов многие прохожие принимали это место за библиотеку или общественный центр. Лишь увидев людей в черной одежде, можно было понять, что это похоронный зал.

— А как ты попал на эту работу? — спросила Мари.

— Больше нигде было подрабатывать, вот и оказался здесь.

После окончания университета я больше года пытался устроиться на нормальную работу, а потом начал перебиваться подработками — бариста в кафе, продавцом в универмаге, официантом в ресторане. В закусочной целыми днями сворачивал кимпаб. Я столько их накрутил, что потом при виде бумаги руки сами тянулись что-нибудь завернуть. Свернув в той закусочной тысяч десять кимпабов³, я ушел и устроился парковщиком в свадебный

³ Кимпаб — корейское блюдо, состоящее из рулетов, завернутых в сушеные прессованные листья морской капусты. Начинка — рис, приготовленный на пару, с добавлением разнообразных ингредиентов, нарезанных полосками или выложенных слоями.

зал. Там я проработал три месяца — пока здание не снесли и мне не пришлось уйти. Так я и оказался в похоронном бюро. Время работы было не фиксированное, смены тянулись допоздна, но платили на четыре-пять тысяч вон в час больше, чем в других местах. Правда, и уставал я вдвое сильнее. Мари сказала, что для нее это двадцать пятая подработка. После университета она готовилась сдать экзамен на госслужбу и работала здесь между занятиями.

— Где ты каждый день берешь апельсины? — спросила Мари, доставая из сумки фрукт.

— Дома.

Каждое утро отец садился на мотоцикл и ехал на рынок Ёнчхон за фруктами: он привозил апельсины, яблоки, груши, виноград, мандарины, бананы, арбузы, дыню. Всякий раз, когда отец возвращался с покупками, я брал один фрукт и приносил его Мари. Иногда это был апельсин, иногда яблоко. Порой я приносил ей банан.

— Отец любит фрукты, так что соблюдает свой «фруктовый ритуал».

Я положил в рот дольку апельсина, которой со мной поделилась Мари.

— «Фруктовый ритуал»?

— Он считает, что их нужно есть каждый день. Он не вегетарианец, он фрукторианец.

Похоронный зал за окном все больше погружался во тьму, а белые цветы вишни словно светились все ярче. В это время никто уже не навещал комнату траура. Лишь изредка какие-то подвыпившие посетители выходили из здания, опираясь друг другу на плечи, и садились в такси. Иногда родственники

ссорились, деля конверты с пожертвованиями, но такое случалось нечасто. Чтобы прогнать сон, я взял пальцами кубик льда из стакана и бросил его в рот. Сонливость не уходила, и я предложил Мари выйти на улицу.

— Давай прогуляемся до следующего «Макдональдса».

Мари посмотрела на меня.

— А ты домой не пойдешь?

— В это время отец все равно уже спит.

Скорее всего, сейчас отец сидел за столом, ждал меня и читал книгу для обсуждения в клубе АДУС. Или листал новую кулинарную книгу, размышляя, какое блюдо приготовить завтра утром. Может быть, думал, ехать ли за фруктами на рынок Ёнчхон или на фруктово-овощной рынок Ёндынпхо.

Я отправил отцу сообщение, что задерживаюсь, мы вышли из «Макдональдса» и направились в сторону площади Кванхвамун. Пройдя мимо здания Pierson Building и банка Citibank, я увидел между домами громадного Человека с молотком, возвышающегося, как гигантский страж.

Это была скульптура Джонатана Борофски: двадцать два метра высотой, весом пятьдесят тонн. Самый тяжелый человек на свете склонил голову и крепко держал свой молот. Днем он ни на секунду не переставал работать, но сейчас, ночью, был неподвижен. Его ступни были такими огромными, что их нельзя было обхватить даже двумя руками.

— Говорят, он делает один удар молотом каждые тридцать пять секунд, — сказал я, проводя рукой по его ступне.

— Должно быть, он устал.

— Судьба у него такая. Работать весь день.

— Интересно, что он пытается сделать, стуча молотком без остановки?

— Наверное, все, чем мы пользуемся. Телефоны, ноутбуки, машины...

— Прямо дубинка токкэби⁴, которая желания исполняет.

— Такие же скульптуры есть и во Франкфурте. И в Берлине. В Базеле и Сиэтле тоже. Говорят, что этот — самый большой.

— Странно думать, что по миру разбросаны одинаковые люди с молотами. Когда-нибудь, когда устроюсь на нормальную работу, хочу в отпуск съездить и увидеть их всех. Но чтобы так сделать, нужно заработать много денег.

Когда мы прошли еще немного вдоль темных зданий, рядом медленно проехало такси, коротко посигналив. Похоже, водитель ездил по улицам, ища пассажиров. Я махнул рукой, показывая, что подвозить нас не нужно. В этот момент Мари подняла с тротуара белую фату. В витрине свадебного салона на первом этаже здания стоял манекен в свадебном платье — видимо, какой-то покупатель обронил аксессуар. Мари отряхнула его от пыли и, нахлобучив на голову, пошла дальше. Уже очень скоро ветер сорвал фату, и она упала на дорогу, а такси, мчавшееся куда-то, ее переехало. Я подо-

⁴ Персонажи корейского фольклора, напоминающие гоблинов или духов-озорников. Они появляются ночью, обладают сверхъестественными силами и любят подшучивать над людьми.

брал фату — на ней остался черный след от колеса, но Мари снова надела ее.

Мы дошли до дьюти-фри универмага «Тонхва», и через перекресток на Кванхвамуне увидели дружкой «Макдональдс», который одиноко мерцал в темноте. Полностью стеклянный, он выглядел как освещенный изнутри корабль.

— Единственное место, где ночью работают лампы, — это «Макдональдс», — сказал я, указав на него.

— Словно корабль, плывущий в темноте. Будто ждет нас.

— Ну что, поднимемся на борт этого бургерного корабля?

Когда на пешеходном переходе загорелся зеленый, мы побежали к «Макдональдсу». Свет изнутри бил так ярко, что освещал даже тротуар. Я остановился и посмотрел внутрь. Там, в разных углах зала, сидели люди: кто-то клевал носом, кто-то держал в руках телефон и смотрел что-то на экране; один человек спал, уткнувшись в стол, другой раскрыл газету. В дальнем углу кто-то одиноко ел бургер. Мы с Мари вошли и сели у окна.

— Такое ощущение, будто мы оказались внутри картины Эдварда Хоппера, — сказал я, глядя то на площадь Кванхвамун, то на ярко освещенный зал. — У него есть полотно: поздняя ночь, бар, а внутри сидит пара, еще один мужчина спиной и хозяин заведения. На улице темно и пусто, а внутри светло. Настолько, что хочется войти туда. Каждый раз, когда я вижу ночью освещенный «Макдональдс», вспоминаю эту картину.